

ПАРОДИЙНОЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ВЛАДИМИРА ШИНКАРЕВА

VLADIMIR SHINKAREV'S USE OF PARODY

ЕНДЖЕЙ МЕЛЬХИОР ПАУЛЮС

ABSTRACT. Vladimir Shinkarev is a famous Russian writer and painter. His *Mitki* and *Maxim and Fedor* were among the most popular underground books in Leningrad in the late 1980s. This article is devoted to studying both of these famous texts and represents an attempt to find a parody of other books or of Japanese culture. The author also analyzes Shinkarev's literature and religious parodies in the Soviet context.

Jędrzej Melchior Paulus, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań - Polska.

Конец восьмидесятых годов был в СССР временем повышенной свободы творчества, проникновения культуры Запада, политической и культурной деятельности, которая раньше не могла существовать даже подпольно. Этим явлениям способствовала перестройка, политика гласности и общий политический беспорядок в стране. На улицах появились панки со своими многоцветными прическами типа ирокез. Музыка копировала западные стандарты, усваивала их на русской почве. В итоге получился культурный фермент, который дал огромную популярность рок-группам, таким как *Кино*, *Наутилус Помпилиус*, *Алиса* или *Аквариум*, которые считают уже классическими в истории русской музыки. Некоторые артисты выходили из неофициальной творческой среды и начинали показывать свои работы. Творчество, раньше подавленное властью, начинало дышать свободнее. И в городах подалее от Москвы, в столице и в Ленинграде живописцы, писатели, музыканты объединялись и создавали новые артистические группы.

В первой половине восьмидесятых годов в Ленинграде сложилась творческая группа *Митьки*. Основателями кружка были художники и писатели Владимир Тихомиров, Александр Флоренский, его жена Ольга и Дмитрий Шагин, имя которого дало группе название. К художникам быстро присоединялись другие артисты – скульпторы и музыканты, кинорежиссеры и даже один психиатр.

В 1984 г. члены группы написали, нарисовали и приняли свой манифест. Главным редактором этого выступления был один из самых выдающихся членов *Митьков* – Владимир Шинкарев.

Артист родился в 1954 г в Ленинграде, учился в Институте им. Репина и на факультете геологии ЛГУ. В начале девяностых годов стал известным художником благодаря всемирным выставкам своей живописи. В 2008 году Шинкарев получил премию имени Иосифа Бродского¹.

Манифест *Митьки* – это художественная программа движения, в которой описывается главное артистическое направление группы. Его автор – Шинкарев – юмористически копирует манифесты предыдущих литературных и художественных групп и с псевдопафосом определяет цели деятельности членов *Митьков*:

Теоретически митек – высокоморальная личность, мировоззрение его тяготеет к формуле: „православие, самодержавие, народность“. Однако на практике он настолько легкомыслен, что может показаться лишенным многих моральных устоев. Однако митек никогда не прибегает к насилию, не причиняет людям сознательного зла и абсолютно неагрессивен².

В другом месте манифеста автор уточняет отношение митька к миру и его артистическую миссию:

На лице митька чередуются два аффективно поданных выражения: граничащая с идиотизмом ласковость и сентиментальное уныние. Все его движения и интонации хоть и очень ласковы, но энергичны, поэтому митек всегда кажется навеселе³.

Используя простую речь ленинградских строителей или слова, услышанные в очереди за пивом, Шинкарев создал словарный запас, которым пользуются члены группы. Кроме типичных вульгаризмов, которые можно слышать на улицах, автор придумал много неологизмов, описывающих обычную митьковскую деятельность. Характерными для языка митьков являются: частое использование уменьшительных форм (например, членов группы называют *братушками* и *сестренками*) и нередкие, напоминающие пьяное заикивание, повторения.

Артистическая группа была явлением сатирической и пародийной смеховой культуры. Она породила исконно русское движение, где любовь к людям и глубокий пацифизм похожи на философию хиппи. *Митьки* это хиппи, только с советской внешностью. Они – хиппи советского времени.

Члены группы публиковали свои работы сначала в самиздате, а потом в периодической „Митьки-Газете“, которая выходила в 1992–1993 годах в Санкт-Петербурге⁴.

¹ А. М а т в е е в а, *Римские каникулы Владимира Шинкарева*, [в:] электронный ресурс: <http://www.kommersant.ru/doc/1037859/print>, (22.08.2012).

² В.Н. Ш и н к а р е в, *Митьки*, Санкт-Петербург 2010, с. 7-8.

³ Там же, с. 7.

⁴ В.Н. Ш и н к а р е в, *Зачем нам нужна газета*, [в:] электронный ресурс: <http://mitki.kulichki.com/mitki/gazety/1/> (22.08.2012).

В манифесте, написанном в 1984 году, помещен мини-словарь митьков, который, по словам автора, основан на идиолекте Д. Шпагина, одного из основоположников группы. В основном слова из сборника касаются ситуаций веселых встреч митьков, во время которых алкоголь употребляется в огромных количествах. Эти встречи напоминают тайные мистерии, в которых участвуют только избранные люди. Приготовление алкоголя к выпивке выглядит как секретная церемония, во время которой бутылка обычного вина получает магические свойства. В манифесте описываются также способы употребления святого вина во время мистерии:

РАЗДЕЛИТЬ ПОРОВНУ – вино разливается поровну.

РАЗДЕЛИТЬ ПО-БРАТСКИ – митек выпивает большую часть.

РАЗДЕЛИТЬ ПО-ХРИСТИАНСКИ – митек выпивает все сам⁵.

Александр Секацкий считает, что сравнения произведений Шинкарева с *Новым заветом* вполне корректно по форме. В обоих случаях имеется четкое соответствие критерию необходимой разновидности, которая имитирует разновидность самой жизни⁶.

Само явление *Митьки* возникло благодаря сочинению Шинкарева под названием *Максим и Федор*. Небольшое по объему произведение писатель сочинил во время работы в котельной в 1978–1980 гг., а потом опубликовал в самиздате. Сначала оно было предусмотрено как памфлет на друга Шинкарева – Митю Шагина.

Уже заглавие книги начинает игру с читателем. Имя одного из героев – *Максим* – произошло от латинского слова, обозначающего „величайший“. Как в приложении объясняет сам автор, имя *Максим* связано также с термином *maxima sententia* – высший принцип. По словам автора, *максима* обозначает „краткое изречение, формулирующее нравственное, житейское правило в четкой форме. Свойственна афоризму“⁷. Яркие, иногда даже вульгарные нравственные поговорки, формулируемые Максимом, – это своего рода издевательство над значением максимы.

Также имя второго героя произведения неслучайно – *Федор* обозначает в греческом языке „божий дар“. Федор своим поведением обычно старается успокоить Максима, очень часто переживающего боль существования, вызванную злоупотреблением алкоголем.

Произведение состоит из трех частей. Три, святое число многих культур, соединяет единство и множество. Двоицу Максима и Федора

⁵ В.Н. Шинкарев, *Митьки*, указ. соч., с. 10.

⁶ А. Секацкий, *Вечная юность Максима*, [в:] В.Н. Шинкарев, *Максим и Федор*, Санкт-Петербург 2005.

⁷ В.Н. Шинкарев, *Максим и Федор*, указ. соч., с. 181.

обычно дополняет собутыльник Петр. Каждая из частей описывает жизнь героев и их знакомых и нередко является пародией литературного жанра или определенного произведения.

Первая глава *Максима и Федора* начинается *Мыслями (Афоризмами, Максимами и Федорами)*. Можно полагать, что название, напоминающее произведения великих греческих философов, неслучайно. Автор играет пафосом и почти философски описывает не всегда серьезные разговоры друзей. Примером может служить фрагмент из произведения:

На алтарь мысли Максим мог положить все, даже предметы первой необходимости. Так, однажды он сказал:

– Когда я думаю, что пиво состоит из атомов, мне не хочется его пить⁸.

Герои умеют смеяться над советской властью. Особенно часто Максим и Федор высмеивают официальные статьи и работы вождя мирового пролетариата или отрицают философию марксизма:

Заметив, что Максим пьет не закусывая, Федор осведомился, не объясняется ли это тем, что Максим вспомнил о молекулярной и атомной структуре закуски. Максим гордо помотал головой и сказал:

– Кто не работает – тот не ест!⁹

Отношения героев напоминают разговоры мастера с учеником. В этой маленькой части помещены короткие рассказы о жизни героев, которые заканчиваются обычно максимой, высказанной, конечно, Максимом. Игра значением слов, пафосом и формой является, возможно, стремлением передать высокую культуру в советское время.

В следующих частях произведения мы можем увидеть пародию буддистских жанров. Заглавие одной из них: *Сад камней, хокку, танки, бронетранспортеры* – это опять игра словом и художественный прием, целью которого является насмешка и пародия серьезного. Сад камней в японской культуре – это место для медитации с определенным расположением элементов. Хокку (или хайку) и танка – это названия жанров японской поэзии, которым свойственны определенное стихосложение и лаконичность¹⁰. Благодаря этим приемам японские поэты дзэн, согласно этой философской системе, старались понять и передать суть существования. Вполне допустимо, что бронетранспортер в заглавии появился только в связи с омонимической формой множественного числа слова *танка*.

Лирический субъект в своих стихах пользуется синтаксисом, характерным для японского языка, употребляет символ Японии – вишню

⁸ Там же, с. 24.

⁹ Там же, с. 25.

¹⁰ P. V a r l e y, *Kultura japońska*, Kraków 2006, с. 43.

сакура, часто называет японские города, святые места буддизма. Однако же все случаи в этой главе описывают злоупотребление дешевым алкоголем в ленинградских электричках или тяжелые пьянки в хрущевках. В коротких лирических произведениях субъект соединяет изысканную форму стиха с мелкой тематикой:

Солнце вышло из-за Фудзи,
По реке поплыли гуси.
Молвил Федору Максим:
- Ну-ка, сбегай в магазин!¹¹

Рассказчик называет героев буддистами или мастерами буддизма дзэн. Интерес к этой японской философии проявился на Западе после Второй мировой войны¹². Философия распространялась сначала в Америке среди молодых людей, участников движения хиппи, для которых самыми важными ценностями были покой и душевное развитие. Потом идея перешла в Европу, где пользовалась большой популярностью, например в Германии, Англии и Франции¹³. В коллективном труде *Vita Sovietica* Андрей Лебедев пишет, что советский дзэн, представленный в произведении Шинкарева, это дзэн ленинградского андерграунда. Представителями этого направления, кроме автора *Максима и Федора*, он считает также Бориса Гребенщикова и Михаила Науменко – лидеров популярных советских рок-групп¹⁴.

Максим и Федор поступают согласно философии дзэн. Они лишаются любого материального добра и, иногда благодаря специальным микстурам, пробуждаются от сна неведения, достигают просветления. Они исполняют все требования философской системы дзэн. Федор все время рядом со своим мастером – Максимом. Ученик всегда внимательно слушает своего учителя. Стараются точно отвечать на его вопросы. Оба героя практикуют тоже шикантазу – дзэн-буддистский вид медитации, название которого в переводе на русский обозначает „только сидеть“. Максим и Федор поступают согласно этой философии недеяния. Они ни с кем не сотрудничают, в том числе с властью, и очень редко присоединяются к другим группам людей. Шутка Шинкарева заключается в практике дзэн в советской действительности. Такое пародийное восприятие жизненных ситуаций, описываемое высоким языком, производит юмористический эффект.

Герои книги Шинкарева – бродяги советского времени. Оба героя, иногда вместе с собутыльниками, паломничают по Ленинграду, обыч-

¹¹ В.Н. Шинкарев, *Максим и Федор*, указ. соч., с. 32.

¹² Н. D u m o u l i n, *Zen Enlightenment*, New York–Tokyo 1989, с. 9.

¹³ Там же, с. 10.

¹⁴ А. Л е б е д е в, *Дзен*, [в:] *Vita Sovietica. Неакадемический словарь-инвентарь советской цивилизации*, Москва 2012, с. 82.

но за водкой в ларек или в поисках выпивки к другим бродягам. Где-то приобретают волшебную микстуру за деньги, которые берут у знакомых. Ведь Максим и Федор не признают материальных ценностей. Потом начинается выпивка, которая напоминает медитацию. Мастер и его ученик в пьяном состоянии обсуждают вопрос просветления и истину существования. Ученик исполняет все поручения мастера. Учитель старается передать Федору суть алкогольного дзэн яркими и агрессивными ответами на его вопросы. Федор тогда понимает, что должен оставить мастера в покое и сосредоточиться на своем духовном прогрессе. Обычно Федор старается распространять философию своего мастера дзэн, например в очереди за пивом.

Похищение материального мира, связанное с крепкой выпивкой, чаще всего имеет место утром. Буддисты-пьяницы медитуют в разных позициях, обычно лежа на полу на кухне или в комнате. Таким способом они тоже практикуют шикантазу. Не двигаются, потому что от выпивки нет сил лечь в кровать.

Время от времени герои возвращаются в материальный мир. Чаще всего это происходит, когда заканчивается водка и надо сбежать за ней в магазин или выйти в город за выпивкой. В постоянном паломничестве за водкой оба героя осуществляют еще один из основных законов буддизма – философию дхармы (реинкарнации). Выпивка обозначает состояние нирваны. Они лишаются терпения и материи. В похмелье они не знают, что с ними происходит, откуда они и что будет дальше. Ведут себя как младенцы. В похмелье герои стараются понять смысл своего существования. Однако же понимание невозможно без следующей медитации:

- Что остается делать человеку, которому на шею уже набросили петлю?
 - осведомился Максим.
 - Сакура красива не только в цвету, – с присущим ему изяществом ляпнул Петр. Василий вместо ответа взял коробок спичек и уронил на пол – но коробки не разбиваются от удара об пол, зато от громоххания проснулся Федор и спросонья забормотал: „А? Где я?... Что?“
- Его ответ Максим, как всегда, признал лучшим¹⁵.

Пьянство и алкоголизм являются для героев путем в мир покоя и добра. Водка нужна им для построения нового красивого мира, основами которого будут покой, душевность и отсутствие материального имущества. В пьяном виде они достигают просветления, а их превращение в воздух обозначает исполнение дзэн – сатори.

Они не только пьяные паломники, но еще и учителя буддистского просветления. Для большинства пьющих людей мир – это плохое,

¹⁵ В.Н. Шинкарев, *Максим и Федор*, указ. соч., с. 39.

опасное, тяжелое место, куда люди попадают из вольного космоса безответственности и эйфории в измерение общества и культуры, знания и нравственности.

В книге Шинкарева мы найдем еще много пародийного. Почти каждая из глав – это пародия жанра или определенного произведения. Автор сочиняет шуточные рассказы о жизни Максима и Федора. Примером может послужить глава *Максим Моногатари*. В ней автор, выполняя все стилистические требования японского рассказа, описывает визиты героев в магазин *Водка – крепкие напитки*. Автор опять пользуется высокой и утонченной формой рассказа, чтобы описать повседневную деятельность алкоголиков. В этой части сочинения Максим и Федор вместе с друзьями превращаются с дзэн-буддистов в поэтов, способных воспевать красоту и доброту дамы, которая продает им спиртное под названием *Зверобой*:

Когда бы Клеопатра сама
Моей возлюбленной была,
Навряд ли столько огненного жару
Я получал из рук ее,
Сколь ты небрежным взмахом мне даешь...¹⁶

Сразу после такого дифирамба в честь дамы, напоминающей Клеопатру из произведения Пушкина, рассказчик меняет торжественное настроение:

А продавщица в ответ бутылку обтерла и перед Максимом на прилавок поставила, но ничего не сказала, может, не поняла или плохо расслышала, не знаю¹⁷.

Описав прекрасным стихом микстуру, дающую силу, – дешевое вино, которое подает героям продавщица Клеопатра из магазина со спиртным, рассказчик стремится получить юмористический, гротескный результат.

В следующей части произведения – *Песни о моем Максиме* – мы можем прочитать подражание произведению Пьера Корнеля *Сид*. Опять высокая стилизация описывает мелкую тему. Из *Песни* мы можем узнать, что герои пьют пять сортов пива, которые умеют открыть пятью разными, часто акробатическими, способами. Максим и Федор, советские дон Дьего и дон Гомес, курят самые популярные папиросы на кухне в ленинградской коммуналке, а их пьяная жизнь это постоянная борьба за честь.

Шинкарев интересно характеризует жизнь Максима и Федора, которых считает представителями обычной ленинградской интеллиген-

¹⁶ Там же, с. 42.

¹⁷ Там же.

ции. Главы второй части дают нам точное описание обычаев употребления разных видов алкоголя и его заменителей. Узнаем также, каких исполнителей популярной музыки слушали современные героям ленинградцы, какие газеты читали и какие фильмы произвели на них самое большое впечатление. Шутливым образом Шинкарев передает тогдашнее отношение народа к советской власти и ее законам. Заметно, что в этой части произведения герои очень часто упоминают Александра Пушкина. Он появляется или прямо в разговорах, или в описании деталей ландшафта. Очень вероятно, что представление обычаев и характера русского народа брежневского времени и намеки на великого поэта – неслучайные. Можно полагать, что писатель относится к словам Виссариона Белинского о романе *Евгений Онегин*, старается описать современные артисту условия жизни, чтобы создать советскую энциклопедию эпохи застоя.

Внимания заслуживает также пародия на самый известный эпистолярный роман Гете, которую мы найдем в третьей части произведения. Темой *Переписки Максима и Федора* в действительности являются страдания юных людей, но они вызваны отсутствием алкоголя или его злоупотреблением. Возможно, что в алкоголизме героев автор нашел убежище от советской пошлой жизни, а похмелье было грустным возвращением в реальную жизнь. Глава преисполнена сострадания к советскому народу, но лишена сильного морализаторства¹⁸.

После прочтения книги мы замечаем, что третья часть произведения не является завершением книги. После этой главы мы сразу переходим к *Комментариям*. В книге мы найдем информацию, что они созданы самим автором вместе с В. Кулиным – русским педагогом XIX века. В таком шутливом тоне написаны все комментарии к роману *Максим и Федор*. Кроме объяснения некоторых приемов добавляется еще несколько новых информационных, которые дополняют характеристику ленинградской интеллигенции.

Следует также подчеркнуть связь *Максима и Федора* с поэмой Венедикта Ерофеева *Москва-Петушки*. Максим и Федор – это тоже интеллектуальные алкоголики, их словарный запас похож на идиолект Венечки. Лексика *Максима и Федора* полна советских штампов, классиков марксизма и цитат из русской и мировой литературы. Есть много сходных сюжетов – Максим и Федор едут пригородным поездом в поселок. Уезжают с вокзала в большом городе, в поезде один из товарищей героев ранен ножом, похожим на шило. Друзья все время пьяны, они пьют коктейли, разбавляют водку пивом, чтобы получить *ёрш*, а потом и рассуждают о мировых проблемах, нередко употребляя не-

¹⁸ Там же, с. 259.

нормативную лексику. Оба они время от времени вспоминают красивую женщину, которую называют добром или радостью.

В произведении Шинкарева даже прямо упоминается имя героя поэмы Ерофеева:

Закат окрасил лучшее в тебе – но тяжесть заката не оправдание – ни Вальсингам, ни Веничка с проколотым горлом – не канючат отсрочки у Жнеца!¹⁹

В *Максиме и Федоре*, как и в произведении Ерофеева, одной из главных задач текста является деконструкция, нередко комическая, библейских притч, романтических мотивов и советского новояза. Герои обеих книг мастерски умеют высмеивать мотивы. Они делают это, чтобы создать новый поэтический мир и упорядочить хаотическую жизнь²⁰.

Обе книги существовали в андерграундной культуре, распространялись в самиздате, и вполне допустимо, что интертекстуальность *Максима и Федора* и прямые аллюзии к поэме Ерофеева намеренны и неслучайны. Герои произведения Шинкарева – ученики Венички и наследники „престола алконавтов“. Они продолжают поступать как их духовный отец.

Максим и Федор и *Митьки* – произведения, которые пользуются до сих пор большой популярностью среди читателей разного возраста. Владимир Шинкарев с помощью живого языка обычных ленинградцев мастерски соединил в книге легкую и шутовскую форму пародии высоких литературных жанров с нравственной тематикой, близкой многим людям. Работы Шинкарева – это тоже хороший пример ленинградского оттенка русской постмодернистской прозы. Сочинения не являются только похвалой алкоголизма. Книга имеет сложную конструкцию и дает литературоведам возможность широкой ее интерпретации.

¹⁹ В.Н. Ш и н к а р е в, *Максим и Федор*, указ. соч., с. 164.

²⁰ M. L i p o v e t s k y, *Post-Soviet literature between Realism and Postmodernism*, [в:] *Twentieth-century Russian literature*, red. E. Dobrenko, M. Balina, Cambridge 2011, с. 186.

